

Григорий Борзенко

ЗАГОВОРЕННЫЙ КЛАД ПРОКЛЯТОГО ОСТРОВА

1

Если бы кто спросил, где на нашей матушке-земле, на суше, на море или в небесах, происходит больше всего самых невероятных приключений, многие, уверен, отдали предпочтение водной стихии. Иные удивляться: не согласны! И в небесах иногда такое случается, что только диву даешься! Не говоря уж о земной твердыне! В зарослях джунглей, среди барханов пустыни, на склонах горных вершин, на равнинах прерий и даже в самых глубоких горных расщелинах искатели приключений могут испытать такое множество настолько невероятных передраг, что очевидцам, пораженным увиденным, и умеющим худо-бедно держать в руке перо, впору садиться за написание романов. Ими могли бы зачитываться не одно поколение любителей историй, от которых захватывает дух.

А вот автору этих строк доводилось сталкиваться с не просто таинственными и удивительными, а, буквально потрясающими воображение историями, случившимися на водной

глади морей и океанов в самых разнообразных точках земного шара, что он невольно отводит пальму первенства, в упомянутом нами споре, именно гидросфере земли. Вспомним о бутылках, долго скитающихся по волнам океанов, а затем кем-то выловленных и подаривших миру не одну захватывающую душу драму о кораблекрушениях, робинзонадах, одиночестве, вражде, смерти, предательству. Вспомним о огромном количестве лежащих на дне мирового океана фрегатов и галеонов, которые, если бы сумели заговорить, смогли поведать столько интересного! Вспомним о островах, о деревьях с зарубками, гласящими о том, сколько лет какому-то бедолаге приходилось коротать здесь в тоске и одиночестве. Вспомним о хранящихся в недрах тех же островов, скрываемых тенями крон ветвистых древних дубов, бочонках и сундуках с золотыми пиастрами и россыпью алмазов и жемчугов. А уж они-то, надели их какая-нибудь высшая сила даром речи, могли бы поведать немало увлекательных историй. За каждым из этих «золотых» сундуков изначально кроется такой шлейф тайн, преступлений, предательств, заговоров, скрытности и мрака, что любая попытка отразить все это на бумаге, обещает быть не пустой тратой времени.

История, которую я вам сейчас поведаю, может и нельзя назвать самой-самой из всех, что

мне довелось услышать или на которые я наткнулся, изучая архивные документы интересующих меня эпох, но, тем не менее, смею вас заверить: мне она показалась далеко не рядовой, и встречающейся отнюдь не каждый день.

...Полный штиль, абсолютное безветрие, беспомощно повисшие паруса. Вряд ли найдется моряк, когда-либо бороздивший воды морей и океанов под парусом, которого бы радовал перечисленный выше перечень. Но не только это обстоятельство заставляло чертыхаться от досады и злобно скрипеть зубами всех, кто в это время находился на борту «Пастора». Парусник, с несколько, если можно так выразиться, «божественным» названием, был переполнен людьми, которые занимались отнюдь не богоугодным делом. Их ремесло — морской грабеж, сопровождаемый нападением на торговые суда, жесточайшими абордажными схватками, где нападавшие без тени смущения и без малейших угрызений совести, обрушивали на головы ни в чем не повинных людей абордажные сабли, отправляя бедолаг на тот свет лишь только за то, что те осмелились преградить им путь к дармовщине. Именуется это просто: пиратство. Это именно то, чем «утруждали» себя матросы «Пастора». Видели бы вы, какое возвышенное настроение царило на палубе этого судна, после вылазок, которые без

малейших натяжек можно было бы назвать удачными. Какое веселье царило вокруг! Еще бы! Почему бы не порадоваться тому, что им попался очень даже и очень неплохой приз: так пираты именовали стоящую добычу. Когда карманы полны денег, то и душа, соответственно, так же переполнена эмоциями.

Увы, но в данном случае мы стали свидетелями совершенно иного случая. Долгое скитание по морям не принесло «джентльменам удачи» никаких результатов. Раздражение на корабле грозило перерасти в недовольство, а там и до открытого мятежа не далеко было. Это, как ни кто другой, прекрасно понимал капитан «Пастора» Генри Гоккет. Он был на много старше всех тех, кто находился сейчас под его началом, и ему, как никому другому, хорошо были известны писанные и не писанные морские законы берегового братства. Хотя подходящая жертва все никак не попадалась на глаза, вне зависимости от того, кто всматривался в горизонт: лично капитан, или самый нерадивый из всех, что есть на корабле, матрос, а все равно именно капитан нес ответственность за все и вся. Коль все так плохо слаживается, значит, он или неправильно предложил место поисков предполагаемой добычи, неверно рассчитал курс, или не учел какие-то иные обстоятельства. Помимо всего прочего, капитан должен знать, что и где

происходит на просторах матушки-земли. Кому, как ни ему, должно быть лучше известно о времени и месте следования Золотого флота, из которого, при удачном раскладе дел, можно было бы вырвать очень и очень лакомый кусочек. Это именно он, а не самый нерадивый матрос на судне, должен правдами-неправдами, находить источники, из которых можно было бы узнавать о времени и маршрутах судов с наиболее привлекательным грузом, и многое иное, что было бы так нелишне знать морским бродягам.

Нельзя сказать, что капитан Гоккет не справлялся со своими обязанностями. На своем долгом веку он немало покапитанствовал, много избородил морей и океанов, много ненавистных ему испанцев отправил на дно морское, много золотишка натрусил из пузатых трюмов их вместительных галеонов. Правда, не всегда удача сопутствовала ему. Однажды, попав в руки испанцев, он чудом избежал смерти. Но и говорить о том, что он легко отделался в том случае, тоже не стоило: несколько лет изнурительного, почти каторжного труда на серебряном руднике близ Ла-Платы, едва не подорвали его здоровье окончательно. Одну Господу известно, как он, привыкший к вольным морским просторам и ветрам, выжил в подземном аду той дьявольской серебряной преисподние, и как сумел с оттуда

бежать.

С той поры ему пришлось практически все начинать сначала. Сделать ему это было как никогда трудно. В молодые годы он, как и многие из нас, смотрели на взрослых, как на неких, ну если и не полубогов, то на людей, которых нужно слушаться и вменять их советам. Уже тогда он, хотя и стремился во всем быть первым, но все же как-то смирялся со вторыми ролями. Теперь же он и слышать не хотел о вторых ролях! Его устраивал только уровень капитана, и никак не ниже! Он уже был не молод, и потому был лишен такой привилегии, как трата времени на раскачку. Ему хотелось не просто покапитанствовать, а оставить на этой земле о себе памятный след. Нет-нет, не тот, чтобы посадить дерево и взрастить сына! Ему хотелось славы, соизмеримой с популярностью Дрейка, Моргана и иных великих авантюристов его времени. Мерилом успеха для него было количество золота, и чем больше его будет, тем оглушительней, будет слава о нем, которая прокатится по всем морям и океанам, и достигнет самых невзрачных таверн, на самых отдаленных берегах. Гоккет спал и видел, как морские бродяги разных стран и национальностей, сидя за кружкой крепкого вина, будут из уст в уста передавать захватывающие дух истории о том, каким удачливым он был капитаном. Сколько потрясающе

много золотишка он награбил вместе со своими отчаянными ребятами. Сколько зубов стерли от негодования испанцы, досадующие, что им никак не удастся изловить и наказать неуловимого пирата.

С пустым карманом, и со слегка пошатнувшимся здоровьем после многолетней «прогулке» по рудникам земель кечуа и аймара, Генри тяжело было с первого замаха покорить капитанский мостик. Естественно, что по прибытию в родные места его не встретила толпа судовладельцев, с настоятельной просьбой осчастливить один из их кораблей согласием принять должность капитана. Нужно было самому всего добиваться. Единственное место, где его мечты могли осуществиться скорее всего, и легче всего, были Карибы, с их Тортугами и Ямайками. Но и там находилось немало отчаянных сорвиголов, которые так же, как и Гоккет, хотели иметь все и сразу. Их достоинством было то, что они были намного моложе и здоровее Генри, их организм не был подорван в удушающей атмосфере каторжных рудников. Козырем Гоккетта была мудрость и опыт. Он, в отличие от своих оппонентов, не горячился почем зря, и не лез нахраписто там, где можно было дипломатично ухмыльнуться, и сделать вид, что проглотил обиду. Но потом, обдумав все и рассчитав, как лучше всего поступить, он, где исподтишка, где организовав просто гениальную по

своей задумке провокацию, обрушивал на своего недавнего обидчика столь сокрушающий удар, что тому, в конец оконфузившемуся, уже и мыслить даже не хотелось, чтобы когда-либо впредь вмешиваться в дела Генри Гоккета. Не говоря уж о том, чтобы стоять у него на пути.

В кабачках и тавернах Тортуги и Ямайки было немало таких, кто за хорошим предводителем готовы были полезть хоть в пасть к дьяволу, веруя, что с таким капитаном их в будущем будут ждать большие удачи. Многие «кабачковые интриги» Гоккета не остались без внимания многих завсегдатаев этих заведений, которые и составили в будущем костяк команды «Пастора». Правда, в то время ни «Пастора», ни какого иного судна в распоряжении ни Гоккета, ни его ребят, как вы понимаете, не было. Было лишь желание им владеть. Но не зря говорят: захотеть что-то — это значит уже, считай, сделать полдела. Это в полной мере относится и к героям нашего повествования. Хорошо продуманный план, созревший, как не трудно догадаться в голове, Генри, гениальное выполнение всего задуманного его бравыми единомышленниками, и вскоре судно, ранее принадлежавшее «чужому дяденьке», вмиг стало собственностью Гоккета и его команды.

Начало было многообещающим: первая же добыча была такой, при виде которой обычно

удовлетворенно прищелкивают языками, и приговаривают: «Вот это улов!» Познавшие вкус успеха пираты в своих мечтах стали рисовать еще более радужные картины будущего. Но, увы, затем последовала столь продолжительная и удручающая своей безрезультативностью полоса неудач, что Генри стал побаиваться: не начало ли это его конца? Его верные и brave ребята, которые еще совсем недавно с таким восторгом взирали на своего предводителя, и готовы были из кожи вон лезть, чтобы ублажить любое его желание, теперь все чаще искоса поглядывали на него. И хотя еще открыто никак не выражали свое недовольство, однако Генри чувствовал: это может произойти очень и очень скоро.

Но не только боязнь быть низвергнутым смущала старого капитана. Куда страшнее была мысль о попусту прожитой жизни, о так и не реализованных возможностях. Его мечта встряхнуть мир известием о какой-нибудь славной победе капитана Генри Гоккета, или о несметны сокровищах, им же добытых, может остаться нереализованной. Неужели ему никогда так и не суждено будет оставить после себя историю, слушая которую, замирали бы сердца не одного поколения потомков. Он сам в свое время затаив дыхание заслушивался о сокровищах и кладах, оставленных будущим кладоискателям капитаном

Киддом, Морганом братьями Гоббсами, Бренли и другими. А как своего рода красиво, если это определение в данном случае уместно, поступил капитан Оливье Вассер, который перед казнью, уже с петлей на шее, бросил в толпу, собравшуюся вокруг эшафота, бумагу, с непонятными значками, и с криком: «Мои сокровища достанутся тому, кто прочтет это!» Пусть и не так уж и много, но с другой стороны и не так уж мало времени прошло с тех пор, а загадочная карта до сих пор не дает покоя кладоискателям и любителям тайн и романтики!

Нечто подобное хотелось оставить после себя и Гоккету. Желания и всего прочего, необходимого для реализации этой идеи, у него было в избытке. Не хватало одного, но, как вы понимаете, самого существенного: самого клада, а, следовательно, и золотишка, из которого он бы и состоялся! Попадись Генри нечто подобное, он, разумеется, и себя не обидел бы, оставив себя нечто, с чем спокойней можно было бы встретить и провести старость, но и о заначке, предназначенной для клада-легенды, не забыл бы. Сейчас же все слаживалось так, что свое будущее виделось Гоккету не только без заначки, но и без обеспеченной, а, стало быть, и спокойной, старости. Чего уж здесь волноваться о каких-то кладах да легендах, если самому, не равен час, придется стоять на старости лет с протянутой рукой.

Однако, самолюбивый Гоккет и думать не хотел о таком бесславном конце. Как в любых делах он любил быть только первым, так и теперь ни о каких неудачах и нищенски протянутых руках и не помышлял! Он непременно добьется того, о чем мечтает! По иному и быть-то не может! Пусть сейчас они попали в полосу неудач! Пусть! Но бесконечно все это продолжаться не может! Рано или поздно его час настанет! Его звездный час!

Увы, но на самом деле все получалось так, что его мечту о звездном часе следовало положить на пыльную полку. На ту, где уже давно пылилась мечта о кладе-легенде и иные его проекты, которые были в одинаковой мере и грандиозны, и, в то же время, не реализованы. Но сознание Гоккета не хотело смиряться с мыслью о том, что у него что-то может не получиться. Нет! Удача рано или поздно все равно подвернется ему! Не может же эта чертова полоса неудач длиться бесконечно!

— Предмет! Справа по борту вижу какой-то плавающий предмет!

Голос матроса с крюйс-марса, извещающий о переменах на горизонте, во все времена заставлял сердца матросов биться учащенно. Вперед смотрящий никогда не горлопанил просто так, от нечего делать. Каждый его крик означал, что впереди или замечена земля, или парус, или какой-то обломок мачты, на котором, увидев своих

будущих спасителей, плачут от счастья потерпевшие кораблекрушение. Да мало ли что это может быть!

Одним словом, голос матроса с «вороньего гнезда» всегда был, если не желанным, то, скажем так, заслуживающим внимания. Впрочем, иногда вперед смотрящий извещал о приближении вражеской эскадры, поэтому определение «желанный» здесь не совсем подходит. Но вот в нашем конкретном случае, в примере с «Пастором», он был действительно желанным. Изнывающие от безделья и скуки, и жаждущие хоть каких-то перемен, подопечные Гоккета вмиг оживились, услышав весть о каком-то плавающем предмете. К тому же, человек — это создание, которому необыкновенно присуща такая черта, как любопытство. Именно посему и без всяких иных стимулов в подобных ситуациях немало находиться желающих собраться у фальшборта, поглазеть на находку и пощекотать свои нервы догадками: что бы это могло быть?!

Все это произошло и в нашем случае. Нетрудно догадаться, какое разочарование ждало бы наших героев, если бы они увидели, к примеру, простую корягу, мирно плывущую по волнам. Однако, увидев плот, а затем, когда он еще более приблизился к ним, двоих бедолаг, обитающих на нем, матросы «Пастора» оживились, предвкушая

захватывающую историю, которую им вскоре поведают потерпевшие кораблекрушение. Возможно, их эпопея окажется настолько захватывающей, что ее можно будет потом много раз пересказывать в кабачках и тавернах Ямайки и Тортуги. Правда, эти двое вовсе не прыгали и не плясали от радости, завидев своих спасителей. Они без движения лежали на плоту, и вполне могло бы быть так, что несчастные, не выдержав испытаний, давно уже отдали Богу душу. Подопечным Гоккета хотелось, чтобы те все-таки оказались живы. Ведь у них, возможно, случился голодный обморок, или они просто на время потеряли сознание, или просто спят. Уж больно хотелось заскучавшим морским бродягам разнообразить свой быт увлекательным рассказом о чем-то необычайном и таинственном. В этот миг они даже и не догадывались, что эта их догадка не просто подтвердится, а превысит самые смелые их ожидания во много раз!

Завидев на плоту людей, капитан Гоккет немедля распорядился спустить на воду лодку и подобрать пострадавших. То есть, снять их с плота. Что в тот же час и было сделано.

Пострадавших доставили на палубу и тут же, положив их прямо на настил, самозванный корабельный врач, который из всего обширного арсенала докторской науки умел, разве что, лишь прижигать раны, стал проверять у пострадавших

дыхание: живы ли они? К счастью оба дышали, но как их не пытались привести в чувство, оба продолжали оставаться в глубоком беспамятстве.

Столпившиеся вокруг пострадавших матросы с любопытством взирали на них. Даже внешний вид этих двоих уже говорил о многом. Ну, если не о многом, то на два вопроса он отвечал однозначно. Во-первых, это, вне всякого сомнения, были испанцы. Длинные сутаны, с колпаками-капюшонами свидетельствовали также и о другом: о том, что оба или были или монахами, или принадлежали к какому-то религиозному ордену, которых в ту пору, наследуя пример иезуитов, доминиканцев и прочих «небесных служителей» развелось огромное множество.

Согласитесь, что и эти два обстоятельства, уже давали, пусть и беглый, но все же хоть какой-то ответ на первые же вопросы, которые Гоккет рано или поздно задал бы спасенным, когда они пришли бы в себя. Однако, не зря мы упоминали выше о любопытстве. Заинтригованным матросам «Пастора» хотелось знать еще больше об этих двоих, и, как вы понимаете, это «хотение» не хотелось, простите за тавтологию, отлаживать на потом, когда спасенные придут в себя. Ответы хотелось получить уже сейчас. А какой, скажите, самый простой способ нужно применить, чтобы прямо сейчас, не дожидаясь ни «вменяемости»